На трассе лежневой дороги

Адольф Фрицевич Абель

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Введите сюда краткую аннотацию

-
- Адольф Абель
  -
  - Несколько слов о предыдущих годах

Адольф Фрицевич Абель родился в 1893 году близ Иецавы. С 1915 по 1917 год участвовал в первой мировой войне. С 1918 по 1922 год служил в Красной Армии. Окончил Московский межевой институт. В 1938 году был репрессирован, после отбытия срока вновь в 1949 году репрессирован. Реабилитирован в 1955 году. Умер 1 мая 1990 года.

Адольф Абель
На трассе лежневой дороги

На своем лагерном пути мне довелось пережить много неожиданных, порою и нелепых эпизодов и приключений, по существу диких и несуразных, где трагическое чередовалось с комическим. Но в те годы это так гармонировало с тогдашней обстановкой общей неуравновешенности и скачкообразностью развития жизни в стране.

Особенно мне запомнился один эпизод, когда я был послан пробивать через глухую тайгу линию для строительства лежневой дороги, не имея на руках никакого изыскательного материала, даже карты этой местности. Я тогда попал в руки полусумасшедшего начальника Лазоренко, который требовал от меня сразу же указать ему напрямик через неведомую тайгу линию для строительства дороги.

Этот небольшой эпизод характеризует, какие порядки тогда бытовали в лагерной империи Лаврентия Берии, которую Николай Погодин изобразил в пьесе «Аристократы» как организацию, воспитывающую аристократов духа. Эта пьеса появилась на сцене в 1937 году, когда в этих лагерях не было и намека на порядок, а все зиждилось на подавлении личности и жестоком произволе.

* * *

В марте 1941 года, когда я работал топографом недалеко от города Чибью, в Коми АССР, на Ухтинском участке строительства железнодорожной магистрали Котлас—Воркута, я получил по селектору распоряжение из Управления строительства в Княжь-Погосте. Начальник проектного отдела Ю. Малюшицкий предложил мне выехать в лагерный совхоз «Каменка» на реке Котве и произвести необходимые совхозу геодезические работы по указанию начальника совхоза Лазоренко.

Мне предлагалось забрать гониометр со штативом, землемерную ленту, техническую бумагу и чертежные принадлежности. Это указание — взять с собой из угломерных инструментов гониометр — говорит о том, что предстоящая работа будет не из особо точных. Обычно гониометр применяют в дорожном строительстве.

Делать нечего, пришлось расставаться с товарищами, с

которыми сжился и сработался, и одному отправляться дальше на север, к Печоре. А новое место всегда заключенного пугает: кто знает, в чьи лапы попадешь! Всякое бывает! Все мы хорошо знали, что и среди этих негодяев, наших начальников на местах, попадаются и более человечные люди, но попадаются — и часто — отменные негодяи, просто садисты.

На рабочем поезде, курсирующем по строящейся железнодорожной трассе, я доехал до станции Каменка. Правда, самой станции тогда в натуре не было. В том месте, где по проекту должна находиться станция, стояла небольшая будочка-времянка. Но в двухстах метрах от этой будочки была уже выстроена новая станционная водокачка.

Начальником этой временной станции оказался заключенный из бытовиков, бывший железнодорожник, попавший в лагерь за служебные преступления. Он предложил мне поселиться вместе с ним в этой будке и ожидать, когда из совхоза приедут подводы за грузом.

Мы разговорились, и я узнал, что совхоз «Каменка» находится где-то в стороне от строящейся железной дороги, глубоко в тайге, и никакой связи с внешним миром не имеет. Иногда из совхоза приезжают подводы для получения почты и грузов, главным образом продовольственных, доставляемых для совхоза рабочими поездами из Княжь-Погоста.

По словам начальника станции, вся окружающая станцию местность заболочена. Дорог здесь нет, а весною, когда полностью растает тайга, чтобы добраться до совхоза, нужно долго кружить по тайге, объезжая болота.

Когда я спросил, какое же расстояние от станции до совхоза, мой собеседник не мог его назвать даже приблизительно. Он говорил, что если рано утром подводы выезжают из совхоза, то к вечеру они приезжают на станцию.

Когда я слушал эти неутешительные для меня слова, тревожно стало у меня на душе. Видно было, что я забираюсь в самые, что ни есть, медвежьи уголки, и один бог знает, как долго мне придется там оставаться и в какие условия я там попаду.

* * *

На следующий день из совхоза прибыли три подводы за грузами, и я вместе с ними поехал в совхоз. Приехавшие возчики, как обычно в лагерях, были из уголовной шпаны, ибо только им давали пропуска на бесконвойное хождение. Из «врагов народа» в силу необходимости лагерь давал такие пропуска только

специалистам, которые были нужны для строительства.

Всю дорогу я старался поменьше беседовать со своими спутниками, а они били измученных и отощавших лагерных коней, и ругали на все лады лагерное начальство, пославшее их в эту трудную поездку, когда надо по пояс влезать в снег, ища проезда, а в низинах для устройства проезда рубить елочки.

Двигались мы медленно, а когда добрались до совхоза, было уже далеко за полночь. Лагерь спал. А это громкое название — совхоз — не оправдало моих ожиданий. Я увидел всего три барака: мужской, женский и третий — для конторы и склада. Кроме того, с одной стороны от бараков была сооружена баня-вошебойка, а с другой стороны — кухня. Амбулатория находилась в том же бараке, где и контора.

Кругом этих строений был забит высокий частокол, обтянутый поверху колючей проволокой. На противоположных сторонах забора возвышались традиционные лагерные вышки для охраны. Кроме того, с наружной стороны забора вдоль стены была натянута проволока, вдоль которой бегала сторожевая овчарка, которая при всяком движении внутри зоны поднимала громкий лай и таким образом не давала дремать часовым. На вышке торчал часовой, зорко следивший за передвижениями внутри зоны. Даже пробег узника из барака в сортир не ускользал от внимания часового. Обычно часовой громко выкрикивал: «Кто идет?!» — а виновник ночью должен был ответить, что такой-то з/к идет в уборную оправляться.

Когда мы ехали, я заметил, что недалеко от вахты, отдельно за зоной, были построены два новых домика, и возчик мне пояснил, что в одном из них квартирует начальник совхоза Лазоренко, а в другом живет начальник охраны, и там же размещаются охранники. И, как потом выяснилось, Кум в совхозе не жил, а изредка приезжал из котвинского отделения строительства.

Помню, что когда я окинул взором эту грустную таежную обитель, находящуюся на отшибе, в стороне от большого лагерного начальства, то понял, что здесь такой начальничек совхоза вместе с начальником охраны — они здесь цари и боги. Составят акт, что умер или убит при попытке к бегству, а потом ищи-свищи. Но кто будет здесь тебя искать, и кто будет свистать?

* * *

На вахте при входе в лагерную зону я предъявил ночному дежурному имеющиеся у меня на руках пропуск на бесконвойное

хождение и распоряжение Управления лагеря, что направляюсь в совхоз «Каменка» для производства геодезических работ. Вахтер пропустил меня в зону и разрешил ночевать в конторе. Инструменты я оставил на вахте, но набор технической бумаги, все чертежные принадлежности, тушь, краски, а также книги: «Курс геодезии» Орлова, «Таблицы логарифмов» Прежевальского, «Таблицы прямоугольных координат» Гаусса — все это я взял с собой. Поэтому в барак, где уголовники, я не мог идти: мои книги они тут же пустили бы в раскур, на завертку, ведь бумаги так не хватает курцам.

В конторе я застал сторожа-истопника, инвалида, «доходягу» из врагов народа, который «доходил» свои последние дни, доведенный на общих работах до предела. Он горячо натопил железную печку-бочку, чтобы я мог просушиться. А потом я сдвинул вместе два конторских стола и соорудил свою нехитрую постель. Намаявшись за день в дороге, я быстро заснул.

Но вскоре я проснулся от сильного шума за стеной. Слышались выкрики грубого, злого мужского голоса. Было похоже, что кто-то плачет и кто-то кого-то бьет. А потом я ясно услышал плач и жалобное бормотание мужского голоса и грубую ругатню другого мужского голоса.

Я никак не мог понять, что там за стеной творится, ведь бараки заключенных находились отдельно от барака-конторы. Но усталость взяла свое, и я, угревшись в тепле, опять заснул, пока утром сторож меня не разбудил, строго сказав, что скоро придут на работу служащие.

Когда же утром пришли на работу заключенные (а все они были из сталинских врагов), все стало ясно. Главбух совхоза и рыбовед Богданов открыли мне этот секрет. Оказалось, что за стеной конторы находится кабинет начальника совхоза Лазоренко, который до назначения на эту должность работал следователем на Украине. В течение 1937–1938 гг. этот усердный труженик перестарался: он так боролся со сталинскими врагами, что потом сам заболел на психической почве.

В те годы, когда совершались эти массовые беззакония, многие из заплечных дел мастеров, которые особо усердствовали, применяя так называемые «физические методы воздействия» при допросах в тюрьмах, потом сами посходили с ума. Это и понятно: бить и истязать безоружных людей, заведомо зная, что они ни в чем не повинны, — это не то что убивать человека на войне. Для этого нужно самого себя довести до белого накала. Поэтому неудивительно, что многие из ежовско-бериевских следователей потом помешались или получили тяжелые психические травмы.

В данном случае в совхоз «Каменка» был послан на должность

начальника совхоза такой психически травмированный следователь, некий Лазоренко. По-видимому, мыслилось, что на лоне таежной природы, вдали от людского шума, Лазоренко наберет свежих сил и подкрепится для дальнейших ратных подвигов в борьбе со сталинскими врагами.

Но получилось так, как в русской пословице говорится: «Как волка не корми, он все в лес смотрит». Или: «Горбатого лишь могила исправит». Лазоренко, очутившись в таежном совхозе, не угомонился — он, сердешный, бури искал. Лишенный прежней привычной профессии — «по физическим воздействиям», — он сейчас по собственной инициативе, в порядке добровольности, нашел подходящее применение своим талантам. Он занялся теперь, как он говорил, «перевоспитанием» уголовников, присланных на работу в совхоз, причем основной элемент этого перевоспитания заключался в тех же «физических воздействиях», как раньше в тюрьме это делалось со сталинскими врагами. Словом, готовил «аристократов духа».

Все, что я слышал за стеной в свою первую ночь в совхозе, — это было во время очередного «сеанса», когда Лазоренко перевоспитывал какого-то уголовника. И, как обычно это делалось в тюрьме, сейчас Лазоренко устраивал свои сеансы обычно после полуночи, когда люди уже спали.

Когда я обо всем этом узнал, то понял, в чьих руках я теперь нахожусь и чего могу ожидать. Муторно стало у меня на душе. Главбух и Володя Богданов меня предупреждали, чтобы я был начеку и по возможности избегал каких-либо пререканий с Лазоренко, так как он совершенно неуравновешенный человек, психически больной» имеет при себе револьвер, и от него можно всего ожидать.

Из новых товарищей мне очень понравился Володя Богданов, только что окончивший рыбохозяйственное отделение и загнанный в лагерь как контрреволюционный агитатор. Потом я с ним очень подружился. Он считал меня своим земляком, так как был уроженцем Псковской губернии, из пограничного с Латвией района, а мать его была латышка. Володя потом много мне помогал в трудной для меня здешней обстановке у сумасшедшего Лазоренко.

* * *

С тяжелым сердцем вошел я в кабинет Лазоренко. Я должен был с ним договориться: узнать, какие же геодезические работы требуются совхозу, договориться обо всех подробностях — где

мне жить и хранить геодезические инструменты, картографический материал и какая рабсила в моем распоряжении, поскольку каждый шаг здесь будет связан с прокладкой визирок и просек, для чего требуется производить лесоповальные работы.

Когда я вошел в кабинет, я увидел молодого человека, невысокого, но плечистого. Глаза его были очень неприятные, водяного цвета, на выкате, зрачки расширены. Взгляд как бы стеклянный, отталкивающий. Подобного рода людей я много повстречал на своем лагерном пути в те страшные годы. Их поганые рожи целиком выдавали их подлую деятельность.

Когда Лазоренко узнал, что я топограф из Управления лагеря, он принял меня даже вежливо. На лице его появилось что-то кислое, напоминающее улыбку. Он тут же стал мне объяснять, что дороги нет, а она до крайности нужна. Совхоз не может доставлять грузы со станции, а свою продукцию осенью он не сможет отправить на станцию, если не будет дороги.

Что это так, я сам уже убедился, когда накануне ехал в совхоз. Действительно, дорога совхозу нужна была до зарезу. Но построить такую лежневую дорогу через заболоченную тайгу — тоже не шутка, тем более, что, как я узнал от Лазоренко, в совхозе нет ни дорожной техники, ни мастера, не говоря уже о дорожном инвентаре.

Потом Лазоренко мне говорил, что на строительство дороги совхозу отпущены средства и от меня теперь требуется в самом срочном порядке пробить через тайгу трассу.

Лазоренко так и говорил мне: «Вы пробейте прямую линию от ворот лагеря прямо на железнодорожную станцию Каменка. Вы пойдете впереди и будете показывать эту линию, а вслед вам я пошлю две-три бригады заключенных, которые будут рубить просеку будущей дороги».

Из разговора с начальником совхоза я убедился, что он не имеет ни малейшего понятия о дорожном строительстве и тем более о строительстве лежневых дорог через заболоченную северную тайгу, где местами встречаются болотные топи и будут попадаться таежные речки, через которые придется сооружать мосты для переправы. И действительно, откуда такому Лазоренко, специалисту по «физическим воздействиям», знать еще дорожное строительство? И только такие же ненормальные, как Лазоренко, могли назначить его начальником совхоза и доверить ему людей и хозяйство.

Потом, когда я осведомился у Лазоренко, есть ли в совхозе какой-либо предварительный изыскательный материал или материал по обследованию этих мест, хотя бы картографический

материал местности, то начальник совхоза мне ответил, что никто здесь никаких изысканий или съемок не производил. Правда, у главного агронома совхоза есть какой-то рисунок озер, расположенных вокруг совхоза; этот рисунок оставил совхозу некий рыбовед, обследовавший местные рыбные богатства.

Тогда я сказал Лазоренко, что в первую очередь должен ознакомиться с тем материалом, что у главного агронома. Лазоренко предупредил меня, что его задание нельзя откладывать ни на один день и что пробивку трассы надо производить сейчас.

В подавленном состоянии я вышел из кабинета. Только теперь я понял, в какую беду попал. Меня толкают на авантюру — хотят заставить пробивать дорогу через неведомую тайгу без какого-либо предварительного изыскательного материала. А самое главное, что я имею дело с ненормальным человеком, с которым не сговоришься, который абсолютно ничего в строительных делах не соображает. А Управление лагеря, которое могло бы помочь, за тридевять земель, и связи нет.

Потом я нашел совхозного агронома. Последний оказался уголовником с выбитым глазом. Все в совхозе называли его Камбалой — это была его воровская кличка. И здесь Лазоренко оказался на высоте. Главным агрономом он назначил равного себе — так называемого в лагерях «социально близкого».

Когда я разговорился с Камбалой, я убедился, что этот тип совсем неграмотный и ничего общего с агрономией не имеет. Именовал он себя «практиком по сельскому хозяйству». Но этих лагерных камбал я немало повстречал. Например, я как-то спросил одного такого, почему он всем говорит, что образование имеет среднее, когда он совсем неграмотен? И вот ответ: «Я в среднем могу читать по печатному и в среднем кумекаю по письму». Вот вам и среднее образование, и подобный в среднем агроном из уголовников — здесь это был Камбала.

Камбала дал мне листок — копию маршрутного хода одного рыбоведа, который шел через тайгу из совхоза к линии железной дороги, по ходу глазомерно зарисовал контуры нескольких крупных озер, попавшихся ему на пути. Этот листок мне абсолютно ничего не давал. Это была глазомерная произвольная зарисовка без какой-либо геодезической привязки, без масштаба, без измерения расстояния. Рисуночек говорил только, что в этом районе немало озер и, следовательно, есть возможность организовать рыбный промысел. На это и хотел обратить внимание рыбовед, оставивший совхозу свою зарисовку.

Теперь мне все было ясно. Сначала надо в порядке предварительного изыскания проложить из совхоза в сторону

железнодорожной станции Каменка инструментальный ход, а потом путем корректировки, в зависимости от отклонений, уже вторым ходом дать ось будущей дороги, причем при выборе дороги надо будет учесть, не попадаются ли по пути большие озера или болотные трясины. А то, что желает Лазоренко, чтобы я сразу указал прямую дорогу через тайгу, и чтобы вслед за мной тут же начали прорубать просеку для строительства, — это настоящая чепуха и тупость.

Потом, когда я зашел к начальнику совхоза и доложил об этом, он пришел буквально в ярость. Лазоренко орал на меня и грозил, что если завтра утром я не выйду на работу и не укажу, где прорубать просеку для дороги на станцию Каменка, то он меня привяжет веревкой к хвосту лошади и силой потащит по тайге, и тогда я вынужден буду указывать линию дороги. Лазоренко кричал: «Ему дали в руки инструмент, а он будет делать еще какие-то изыскания, а совхоз будет сидеть и ждать!»

Когда я увидел, что Лазоренко пришел в буйное состояние (а у него был револьвер), я немедленно вышел из кабинета, оставив его там орущим, а сам зашел в контору, где находились хоть какие-то свидетели в случае дальнейтих событий, которых я мог ожидать от этого ненормального типа.

Когда я свой разговор с Лазоренко передал главбуху и Богданову, они еще раз предупредили меня, что Лазоренко может выкинуть любой номер в зависимости оттого, что забредет ему в голову, может и привязать к хвосту лошади. Главбух обещал, что он попытается отговорить начальника не посылать бригады для рубки просеки, ибо в случае больших отклонений от станции придется взять новое направление, и тогда образуются большие бросовые работы по лесоповалу. А отвечать за это придется и начальнику совхоза, и главбуху.

Потом Вовочка Богданов, приняв близко к сердцу мое несчастье, толкнул меня на другую мысль. Рыбовед сказал, что в совхозе слышали гудки проходящих поездов. Регулярно утром на станцию Каменка прибывает рабочий поезд, и, когда он отходит, паровоз дает гудки, и если стоит ясная погода, то гудки слышны в совхозе. По словам моих друзей, каждый день, в десять часов утра, этот поезд проходит через Каменку и гудки слышны. Богданов взялся залезть на высокую лиственницу, которая росла у ворот лагерной зоны. Он надеялся там увидеть паровоз, когда поезд будет отходить от станции.

Я решил использовать и то и другое, чтобы проложить пробный инструментальный ход от совхоза до станции. Потом я пришел к Лазоренко и пытался спокойным голосом еще раз объяснить ему, что из-за отсутствия каких-либо данных, не имея

даже карты, я сразу не могу дать ему прямую линию на станцию, что в природе еще нет таких инструментов, по которым сразу можно было бы подобное определить. Я обещал, что постараюсь сделать все возможное, но не ручаюсь, что сразу получится. Поэтому три бригады рабочих мне пока не нужны, а нужно мне только десять рабочих и что буду рубить не просеку, а лишь визирку в один метр шириной. Если мой ход будет удачным, то эта визирка будет осью будущей дороги, и потом эту визирку нужно будет расширить, это сделает простым метром любой бригадир.

Я просил Лазоренко дать мне завтрашний день на подготовку работы. Он мне разрешил выбрать из числа заключенных десять нужных мне людей, причем один из них, из врагов народа, будет моим помощником, а остальных я выберу из «сталинских уголовников», которые за опоздания на работу или сбор колосьев на колхозном поле получили по пять лет лагеря. Бандитов брать я отказался, они могут убежать, а я за них отвечать не могу.

Кроме того, я объяснил, что в случае больших отклонений в сторону от станции уже вторым обратным ходом я все скорректирую и обязательно попаду уже точно в желаемую точку.

На этот раз Лазоренко говорил со мной более спокойно. Он согласился, что я выступлю послезавтра, а завтрашний день употреблю на подбор и подготовку людей для предстоящей работы.

На другое утро, в десять часов, мы с Богдановым были за зоной лагеря и, договорившись с дежурным вахтером, Вовочка Богданов полез на верхушку лиственницы. Гудок проходящего через станцию поезда был слышен, но никакого дыма мой друг обнаружить не сумел. Теперь мне было ясно, что остается лишь одно: взяв инструмент, направиться на станцию по звуку гудка, доносящегося до нас.

Весь этот день я потратил на сборы. Отобрал людей. В качестве помощника я взял бывшего народного учителя, имевшего грозную статью по контрреволюционной агитации со сроком 10 лет в лагерных заведениях. В качестве рабочих взял указников. Все были очень рады хотя бы на пяток дней вырваться из лагерного ада. Помощника я обучил, как надо отсчитывать расстояние по землемерной ленте и как вести пикетаж. Своим рабочим разъяснил сущность их обязанностей: два человека у меня были на пиле, когда на визирке попадет дерево; два — на двух топорах — для заготовки колышков и вешек; два — на землемерной ленте; два — для переноса груза, продовольствия и ведер; один переносил инструмент на штативе с места на место. И конечно, я дал подписку начальнику охраны, что несу

ответственность за людей, и в случае их побега буду отвечать по строгим бериевским законам.

* * *

На другой день, уже в половине десятого утра, все мы были за вахтой, можно сказать, в боевой готовности. Я установил на штативе свой нехитрый инструмент и забил кол напротив ворот лагеря, считая, что здесь будет нулевая точка моего маршрута. И, установив инструмент на этой исходной точке, я с нетерпением ожидал подхода поезда к станции, чтобы по звуку гудка ловить направление на станцию Каменка.

Мои люди заготавливали вещи для ведения линии и колышки для пикетажа. И, когда время подошло к десяти часам утра, появились сам начальник совхоза Лазоренко, начальник охраны, главный агроном Камбала и вся охрана свободная от дежурства. Словом, даже это маленькое событие в жизни глухого лагерного пункта — и то событием.

Когда же время подошло к десяти часам, я, взволнованный, встал около своего инструмента и, насторожившись до предела, ожидал гудка подходящего к станции поезда, чтобы схватить румбический угол, по которому уже буду идти через тайгу до железной дороги.

Наконец послышался долгожданный гудок — поезд подводил к станции. Я уловил направление и засек румбический угол: северо-восток 29. Этот румб мне показался наиболее близким к истинному.

Потом мы ждали гудка об отходе поезда. Я хотел еще раз проверить. Со станции Каменка донесся второй гудок, и на сей раз румб северо-восток 29 показался мне наиболее правильным. Я закрепил инструмент на румбе северо-восток и решил не менять этого направления до самого выхода к железной дороге. И уже потом, в зависимости от отклонений, вторым ходом я найду самую прямую линию между совхозом и станцией.

* * *

Так, работа началась. На исходной нулевой точке мы забили, столбик, и отсюда началось ведение линии. Я инструментом корректировал выставление вешек, и, если на пути попадалось дерево, мои пильщики валили его в сторону. Сзади шел мой помощник, он по ленте отсчитывал расстояние и забивал

последовательные пикетажные столбики, а также вел пикетажный журнальчик. А вслед за нами двигались рабочие, неся на себе заготовленные мешки, колышки, запас продуктов и два ведра — один для кипятка, другой — для супа.

Около лагерного пункта, где было редколесье, тайга была вырублена для строительства и отопления, поэтому мы быстро продвигались вперед. И когда я оглянулся на оставшийся позади лагерный пункт, то увидел все еще стоявших у ворот Лазоренко и Камбалу, смотрящих нам вслед. Но вдали от лагеря таежный лес стоял в своем девственном величии. Мы стали продвигаться медленнее, поскольку нам приходилось сваливать с пути огромные вековые деревья.

Я решил, насколько возможно, форсировать работу. Мне хотелось побыстрее выяснить результат работы, начатой с нарушением всех инженерных правил. Но работа продвигалась медленно. По линии нашего хода попадалось много заболоченных пойм горных таежных речек. Снег был глубокий, во многих низинах под снегом было мокро, у нас промокали ноги, затяжелели ватные брюки, и мы чувствовали себя укутанными в ватный компресс по пояс. Поэтому мы были вынуждены, пройдя такую заболоченную пойму, сделать привал, развести костер и обсушиться.

Я вел подробный абрис, контурный рисунок, отмечая, где реки, где болота, где подъемы. Все это пригодится строителям, когда они будут строить эту дорогу. Поэтому я сделал все, как полагается при изысканиях.

Зная, что для успешного преодоления всех трудностей лучшим средством всегда является личный пример, в тех случаях, когда перед нами расстилалась ровная снежная равнина, предвещавшая, что здесь может быть болото, — в таких случаях я первым выходил вперед и, по пояс в снегу, прокладывал первый след через это снежное поле.

И действительно, люди это понимали без слов. Они даже уговаривали меня не идти первым. И эти несчастные мои товарищи — заключенные, — очутившись теперь вне проклятого лагеря, вдали от штыков охранных войск бериевского ведомства, вдали от их полицейских собак, как-то воспряли духом, почувствовали себя опять людьми, со всеми свойственными человеку чувствами и стремлением к добру.

Ночевали мы под открытым небом — палаток в совхозе не было. Обычно, когда начинало темнеть, и в трубу инструмента уже ничего не было видно, я прекращал работу, уводил людей в густой ельник, и мы начинали устраиваться на ночлег. Мы сваливали огромную сухую лиственницу, которая горит так же

жарко, как дуб, напиливали чурбаны, раскалывали их на толстые поленья, а потом разжигали огромный, пылающий жаром костер.

Вокруг этого костра мы устраивали себе перину из молодых елочек и затем огораживались сплошным густым елочным забором, чтобы защититься от ветерка, — очень мягко было лежать на такой перине. От пылающего костра шла жара. Правда, один бок, что напротив костра, нестерпимо горел, а другой — противоположный — замерзал.

Но мы «кантовались». Мы раздевались, сушили обувь и ватную одежду и, намаявшись за день, быстро засыпали.

Однако один из нас должен был ночью бодрствовать, следить за костром и, главное, смотреть, чтобы от искры и жары не загорелась одежда спящих. Дежурные в течение ночи несколько раз менялись.

Обычно с вечера я укладывал всех спать, сидел подольше, а потом меня сменяли и в течение ночи больше не беспокоили. Это одинаковое со всеми несение дежурств ребятам нравилось, хотя я мог и не дежурить.

Кушали мы три раза в день. Утром ели хлеб с кипятком. На обед и на ужин — сваренную на скорую руку баланду из перловки и соленой трески. Кашу не варили, а всю крупу клали в суп, потому он был густой. Мы получили сухие продукты по норме выполнивших выработку, никто у нас теперь ничего не крал, поэтому люди были сыты, наедались. Все были довольны, особенно мой помощник, из бывших учителей. Он впервые за свою лагерную жизнь оказался на вольном положении. Он мне говорил, что, если выживет лагерный срок (учительствовать ему, конечно, не дадут), и он тогда наймется пикетажистом в какую-нибудь экспедицию или будет работать у землемеров.

* * *

В конце третьих суток, когда пикетаж показал, что мы отмахали уже 12 километров, я начал волноваться. Гудки от проходящих поездов теперь были хорошо слышны, но не было никаких других признаков, что мы приближаемся к железной дороге. Я начинал сомневаться, не уклоняемся ли мы далеко в сторону от станции. Однако исходного румба северо-восток 28 я не менял.

Потом, на четвертый день к обеду, один из моих пильщиков закричал: «Смотрите, смотрите, вот видна железная дорога!» Когда я взглянул через редколесье, то действительно увидал железнодорожное полотно. Но я сказал: «Всем оставаться на

своих местах, линию будем выгонять до самой железной дороги». А когда мы подошли ближе к полотну, я ахнул: моя линия упиралась в станционную водокачку.

Когда мы измерили расстояние от точки примыкания до вокзального помещения, здесь было всего 200 метров. У меня как будто тяжелый камень свалился с плеч. Слава богу! Но чтоб так удачно получилось — ведь это просто случайность! Идти 15 километров по звуку — ведь я мог далеко уклониться в одну или другую сторону. Но, очевидно, мои нервы были настолько напряжены, что я сумел на таком большом расстоянии так точно уловить румб.

Этот день мы решили отдохнуть и поселились в будке начальника станции, растопили чугунную печку, сушились. Продукты разделили на две варки: на сегодня вечером и на завтра утром. Обратная дорога у нас теперь была утоптанная и самая короткая — это была наша визирка.

* * *

Оказалось, что Лазоренко с нетерпением ожидал меня. Как только вечером мы, усталые, вернулись в совхоз, ему сразу сообщили, и меня тут же вызвал начальник совхоза.

На тревожный вопрос Лазоренко: «Ну как?» — я ответил, что прямо к вокзалу я не попал, а вышел на станционную водокачку. На лице Лазоренко расплылось что-то кислое, что означало улыбку, и он ответил: «Что же, вы хотели пригнать лежневку прямо в зал ожидания?» По всему было видно, что начальник был очень доволен. Тут же написал записку в вольнонаемный ларек, где я мог купить селедку, хлеб и табак.

Но перед тем, как я вышел из кабинета, Лазоренко меня поразил. Он глубокомысленно посмотрел на меня и изрек: «Вот видите, я же знал, что вы можете, но вы не хотели. Вы привыкли на воле вредить и здесь захотели, но со мной не получилось».

Я прямо остолбенел. Я был поражен. Значит, мою случайную удачу Лазоренко приписывает своей персоне, что это он заставил меня работать. Все это так меня поразило, что я не мог ему ничего ответить, и, повернувшись, я вышел из кабинета.

* * *

Потом Лазоренко поручил мне обмерить все совхозные земли и составить план, наметить место для постройки центральной

усадьбы совхоза, и под конец он просил меня прирезать под освоение новые участки, где хорошая почва, которую легче освоить.

По-видимому, мои акции поднялись в глазах Лазоренко. Он почему-то решил, что я все могу, если только захочу. Даже выбор новых участков под освоение, связанный с определением почв, пригодных для ведения сельского хозяйства, и то он поручал мне, хотя эта работа не относилась к моей инженерной специальности. Но я согласился и на это. Я видел, что в совхозе действительно нет ни агронома, ни почвоведа, ведь главный агроном, этот Камбала, ничего собою не представлял, а этот вопрос был важен для совхоза. Я в нем кое-что понимал, ибо в институте была дисциплина по почвоведению, и не сомневался, что выберу участки, пригодные совхозу.

То, что Лазоренко изменил свое отношение ко мне, было видно и в том, что он для меня устроил отдельное помещение, где я мог жить и работать.

Для меня отгородили в конторском бараке отдельный угол, который закрывался, а ключ хранился у меня. Для производства дальнейших работ я сохранил свою бригаду, и Лазоренко с этим безоговорочно согласился. Мои люди были этому несказанно рады, и, конечно, больше всех радовался мой помощник, бывший учитель, вырвавшийся из-под конвоя на некоторую свободу.

* * *

Потом произошло маленькое событие. К полевым работам в совхоз прибыло пополнение. Когда вечером я пришел с работы, мне сообщили, что прибыл женский этап, что все они «доходяги», то есть выбракованные из строительных работ — истощенные, больные, которые доходят свой последний жизненный путь. И среди них есть женщина-агроном.

Обычно мы мало верили таким разговорам, ведь Камбала тоже выдает себя за агронома. Но я захотел проверить и отправился в женский барак посмотреть, кто это выдает себя за агронома.

Когда в бараке я спросил, нет ли среди новеньких агронома, мне с верхних нар голос ответил: «Есть». Тогда я попросил назвавшуюся подойти ко мне.

Вижу: с верхних нар слезает пожилая, с проседью, женщина, в серой лагерной одежде, по лицу — некультурная, не производившая по внешнему виду впечатление интеллигентного человека. Когда я спросил ее: «Вы агроном?» — то получил ответ:

«Да, агроном». Но я сомневался и спрашиваю ее: «А где вы учились и что закончили?» И получаю ответ: «Окончила Тимирязевскую академию в Москве».

Вижу, что дело серьезное, даже Тимирязевскую академию знает. Но я все не доверяю и спрашиваю ее: «А тогда, где вы работали до лагеря?» И получаю ответ: «В Москве, в научно-исследовательском институте колхозного строительства при наркомземе СССР».

Да, действительно, такой институт был при нашем наркомате, и я знал директора этого института, кандидата сельскохозяйственных наук Ревзину. Я несколько лет назад заключал договор с институтом на подготовку кадров массовой квалификации — колхозных мерщиков в помощь нашим землеустроителям при выдаче колхозам государственных актов на вечное пользование землей. В связи с этим я не раз встречался с директором Ревзиной.

Поэтому я говорю этой женщине, что в этом институте знал директора — кандидата с/х наук Ревзину. А ответ я получил самый неожиданный: «Я и есть Ревзина».

Но агронома Ревзину узнать было нельзя. В этой изможденной, с проседью, женщине, из тех, кого в лагере называют «доходягами», в этом шутовском лагерном наряде, я ни за что бы ни узнал ту Ревзину, которую я тогда знал в Москве. Я подошел и поцеловал ей руку.

Когда я сейчас вспоминаю все это, то обязательно вспоминаю указ, изданный в 1966 году, который гласит: «Не оставить ни одного совершенного преступления без наказания. Возмездие обязательно должно настичь виновника, совершившего преступление». Все это так, правильно. Но я никак не могу согласиться с тем, что остаются без возмездия ужасные преступления, совершенные под руководством наших азиатов — этих русских Мао и Бяо. Причем ближайшие их соучастники в лице Молотова, Кагановича, выпятив грудь, гуляют по Москве и получают немалые государственные пенсии. Несправедливо! И с указом не увязано!

Но тогда в бараке, когда я смотрел на агронома Ревзину в этом шутовском лагерном наряде, я был взволнован и возмущен. Это зверье ведь не щадило ни женщин, ни детей. И какую издевательскую одежду они придумали для советских людей, загнанных в бериевские тюрьмы-лагеря. Надо иметь в виду, что лагерная ватная одежда, которую нам выдавали на севере, была покрыта белой бумазеей. А в бараках, когда заключенные лежали на общих нарах в два этажа, как сельди в бочке, эта белая бумазея становилась грязно-серой. А потом эту грязно-серую подчинивали

и накладывали заплатки из лоскутов любого цвета, и наш наряд был, как у дятла, — поистине огородными чучелами мы были. Поэтому, как тут было узнать бывшую нарядную Ревзину и как было не возмущаться!

Ревзина просила, чтобы я помог ей получить работу ближе к своей специальности. И действительно, в совхозе агронома не было, делом ворочал уголовник Камбала. Но статью особое совещание Кагановича дало ей шпионскую, и по этой статье не расконвоировали. Поэтому я говорил Камбале: «Ведь тебе повезло, Ревзина ученый агроном, она для тебя золотой фонд, и ты всегда сможешь получить от нее квалифицированную помощь, сделай ее учетчицей в конторе, она будет довольна, и тебе будет хорошо».

Когда я уехал из «Каменки», Ревзина работала в конторе учетчицей работ. Я ее больше не встречал и не знаю, выжила ли она, вынесла ли она лагерные мучения или окончательно «дошла»?

* * *

А потом еще одно маленькое, но, по сути, очень грустное происшествие в этой же таежной «Каменке». Из далекой моей Латвии в наш колхоз прибыло новое пополнение. На этот раз это были латвийские породистые темно-коричневые коровы.

В 1940 году, когда Советские войска были введены в Латвию, очень скоро с занятой территории начали вывозить что попало: подошла и очередь латвийских породистых коров.

Вывозом, конечно, занималось ведомство Берии, и Лаврентий Павлович, вводивший здесь социалистические преобразования, в первую очередь часть этих коров загнал в свои лагерные совхозы, в том числе и в нашу таежную «Каменку».

Мне хотелось навестить своих «землячек» и поглядеть, как они чувствуют себя на новом месте. И я пошел на скотный двор за зоной.

Мои «землячки» уныло повесили головы. На лагерных харчах, в основном на осоковом сене, они исхудали. Не к такому харчу они привыкли на родине. Ухода тоже не было. Ходить за забор для ухода за скотом разрешали только уголовникам, а чего могли ожидать коровы от них?! Женщин из врагов народа не расконвоировали и за забор без конвоя не выпускали.

Я подошел к коровам, обошел их и беседовал с ними. Я заговорил с ними на родном их латышском языке. Я говорил им те ласковые слова, которые обычно говорят латышские женщины

своим коровам, когда хотят их доить.

По-видимому, коровки понимали. Они дружелюбно обнюхивали меня. Я их погладил по бокам, а коровы даже удивились, оглядывались на меня, видно, от такой ласки уголовницы их давно отучили.

Когда я уходил, я ободрил своих «землячек». Я говорил им: «Дорогие, терпите. Надо терпеть! Вас постигла та же судьба, что постигла многих латышей, ваших хозяев. Вы теперь не на латышском хуторке, где хозяюшка любовно ходила за вами и потчевала вас. Вы теперь па Севере, в бериевских лагерях, а отсюда никому выхода нет».

Судьба!

* * *

А потом грянуло еще одно чрезвычайное событие, которое потрясло всех нас, заключенных в «Каменке».

Мы здесь были лишены печатного слова и радио. Мы не знали, что творится на белом свете. Мы видели и читали одни лишь лагерные лозунги и воззвания, которые наши мучители так обильно изготовляли и вывешивали в зоне и в бараках. Это была литература такого примерно содержания: «Искупайте свою вину в честном труде!» Или летом: «В поле дождя нет!» — а он, северный, холодный, лил как из ведра. Или зимою, когда ударяли 50-градусные морозы, вывешивали: «На лесоповале мороза нет!» И тому подобное лагерное творчество.

Мы знали, что в Европе идет война, что поделили Польшу — все это мы подробно узнавали от польских граждан, прибывших в лагерь в порядке бериевской чистки по этим новым районам.

22 июня 1941 года был для нас рабочим днем, хоть это было и воскресенье. В то время нам давали два санитарных дня в месяц — не для отдыха, а для санитарных целей. Пропускали наше хламье через вошебойку, перетряхивали это тряпье. А это совершалось вне зоны, иногда под дождем или зимою на морозе, а потом вечером впускали в зону, и мы могли отдохнуть на нарах. Во время войны ввели три дня в месяц на отдых и санитарию.

Так вот, день 22 июня был у пас рабочим днем. Но, к нашему великому удивлению, никого из нас не выпускали из зоны, а дежурный комендант обошел бараки и объявил, чтобы никто не выходил в зону. Лишь по естественным потребностям разрешается пробежать в уборную, что во дворе, но не более чем 2–3 человека вместе.

Все мы удивлены: что случилось, зачем вдруг такие

строгости? И лишь вечером, когда вернулся стрелок, ездивший за хлебом на кирпичный завод, распространился слух, что началась война.

Все мы приуныли, и первая мысль была: что будет с нами? А эти вновь введенные строгости — даже передвижение внутри лагеря запрещалось — все это не предвещало ничего хорошего.

На другое утро повторилось то же самое: на работу не выходили, по зоне передвигаться запрещалось. Мы все валялись в бараках.

Когда на третий день утром повторилось то же самое, что и в первые два дня, мы совсем пали духом. Главбух и Володя Богданов решили, что нас, врагов народа, расстреляют.

И лишь к вечеру третьего дня вдруг в барак заходит дежурный комендатуры, приказывает нам выходить к вахте для выхода на работу. Тогда мы поняли, что опасность миновала, — живем пока! Значит, из Управления лагеря получен приказ не расстреливать.

Я и сейчас еще удивляюсь, как это наш Лазоренко так оплошал? Почему он сразу нас не расстрелял, а целых три дня ждал у моря погоды? Почему-то в его башку не забрела мыслишка, что идет война и надо поскорее разобраться с внутренними врагами. И действительно, ему за это ничего бы не было: не обязан он был три дня охранять врагов, когда они не работали. Самое разумное же было — расстрелять. Да, оплошал Лазоренко!

* * *

И потом — еще одно происшествие, но это порадовало нас. Жизнь в таежном совхозе не была мирной — то одно случалось, то другое. Лагерная жизнь колыхалась, как болотная трясина. Лазоренко все продолжал по ночам эти свои оригинальные сеансы перевоспитания. У него получалось точно по тому рецепту, о котором тогда широко писалось в газетах, а именно: не надо останавливаться на достигнутом, а искать и открывать все новое.

И Лазоренко открывал это новое. Он придумал новый метод «перевоспитания», очень для него удобный, так как на теле не оставалось никаких следов насилия.

еперь Лазоренко раздевал свою жертву до нижнего белья и босиком загонял в ледник на какое-то время, После этого появлялось воспаление легких, но мало ли чем болеют в лагерях! Лазоренко за это не отвечал. Жена Лазоренко была худая,

изможденная русская женщина. Жаловалась заключенным-уголовницам, когда те приходили на уборку квартиры, что муж ее Лазоренко совсем из ума выжил — бьет, истязает, грозит убить. Уголовницы об этом рассказали всем в лагере.

А потом вдруг совсем неожиданно в совхоз приехали два чина из бериевского ведомства и увезли нашего Лазоренко. Куда они его дели, мы не узнали, но Лазоренко исчез с нашего горизонта.

Мы все были очень удивлены: кто мог сообщить о делах, творимых Лазоренко в «Каменке». Мы полагали, что это дело рук его жены, ибо заключенные никогда не жаловались выше, они знали, что такие жалобы оборачиваются против них самих.

Вскоре я покинул этот грустный таежный уголок, покинул без всякого сожаления. Меня перебросили в Кожву, в 6-е отделение лагеря. На станцию Каменка меня теперь уже этапировали с конвоем, и мы шли на станцию по-моей же визирке — кратчайшим путем.

Совхоз «Каменка» остался в моей памяти как пятно плесени в глухом таежном лесу.

И, вспоминая теперь «Каменку», и другие подобные каменки бериевского ведомства, и все то, что я пережил в этих заведениях в течение 16 лет, я сам удивляюсь. И каких только людей я там не повстречал, и чего только я там не насмотрелся!

Несколько слов о предыдущих годах

Сейчас моя жизнь подходит к столетнему рубежу, но если бы мне рассказали о том, что я пережил и вынес на своих плечах, то я никогда бы этому не поверил. Невозможно поверить, что так низко может пасть человек, как те, которые меня репрессировали, мучили, требовали лжепоказаний. Я говорю не только о тех, кто «оформлял» меня в тюрьме «врагом народа», но и о тех, кто нас перевозил, гнал по этапам, пересыльным пунктам, и потом распределял по лагерям строительства железной дороги Воркута — Котлас.

Не легче было и нам, повторникам 1949 года, осужденным на вечную ссылку. Мы прикреплялись к специальным комендатурам МГБ в Восточной Сибири и проходили регистрацию два раза в месяц.

В решении Совнаркома за подписью Молотова было сказано: «В случае самовольной отлучки ссыльного из мест комендатуры ему назначить 20 лет каторжных работ». Должен добавить, что в лагерях при самовольной отлучке заключенного ему добавлялось три года к сроку. Это решение Совнаркома мне показал начальник МГБ Погодин. И второе, что меня поразило в этом решении, это то, что повторники должны использоваться на общеполезных работах (лесозаготовительных и земляных) и их работа оплачивается на основании общесоюзных норм. А эти нормы рассчитаны на здоровых рабочих, людей-профессионалов, но не на нас, повторников, которые еле живы еще после тюрем и лагерей, с трудом держащихся на ногах, больных и немощных, женщин.

Чем объяснить эту безмерную жестокость и ненависть к людям? Из всего, что я видел и перенес, наиболее страшное и аморальное совершалось в 1937–1938 гг. Те неимоверные жестокости и издевательства над людьми мне совершенно не объяснимы.

Поражаюсь: до сего времени на Красной площади лежит Сталин и ряд других преступников. Так же увековечены ближайшие подручные Сталина: Жданов, Ворошилов и другие.

А этот Жданов вместе со Сталиным, находясь на отдыхе в Сочи, прислал в ЦК телеграмму следующего содержания: «Физические воздействия при допросах вполне себя оправдали, и будут применяться впредь». Это, видимо, в пику императору Александру II, который в 1861 г. при освобождении крестьян отменил и телесные наказания. А эта мягкая формулировка «физические воздействия», которые на самом деле были такими,

что не только одному Роберту Эйхе при допросе переломали позвоночник.

Я надеюсь, что придет время, когда таких преступников, как Сталин, Ворошилов, Жданов и многих других, уберут прочь с Красной площади.